в ближайшие годы даже сопоставимы с расходами ведущих развитых государств[80].

Пытаться соревноваться, имея соотношение в экономических и военных силах 10 к 1, в принципе бессмысленно. Безопасность необходимо будет обеспечивать асимметричными мерами по наиболее приоритетным направлениям. Таковым направлением, безусловно, является создание ВКО, способное нейтрализовать как ядерный, так и неядерный стратегический наступательный потенциал. Доля расходов на ВКО в общих расходах на оборону может составить 15–20 %.

4.7. Усиление роли геополитики

Будущее России неразрывно связано с Евразией. Не только в том ее географическом и геополитическом понимании …, но и в историческом, этнополитическими ценностном аспектах[81].

В. Путин,
Президент России

… сказывается, что не только евразийская стратегия и внешняя политика России, но и национальная стратегия должны исходить из приоритетов развития восточных регионов России[82].

А. Подберезкин,
профессор МГИМО(У)

В основе любой современной системы международной или региональной безопасности лежат геополитические интересы, учитываемые при развитии любых сценариев ВПО и конкретных стратегий отдельных стран. Соотношение военно-политических сил в мире, позиции ведущих государств, оказывали решающее влияние на политику тех или иных стран еще до формирования Вестфальской системы. По мере развития человеческой цивилизации роль геополитических факторов возрастала вплоть до приобретения ею доминирующего значения во Второй Мировой войне.

С появлением ядерного оружия и стратегических средств его доставки, геополитика стала фундаментом, базой уже не только крупных, но и частью внутренней политики даже небольших государств, которые должны были учитывать ее в принятии политических решений. Так, не только война в Корее, Вьетнаме, революции на Кубе и Никарагуа, но и конфликт из-за Мальдивских островов, на Гренаде и в других районах мира являются яркими иллюстрациями этой тенденции.

В XXI веке глобализация привела к усилению воздействия геополитических императивов и факторов, когда многие события не только в политике, но и в экономике и социальной области, стали рассматриваются под этим углом зрения.

Есть все основания полагать, что по мере усиления новых центров силы проявится и их геополитическое значение в мире и качественно новая роль в формировании мировой и региональной ВПО. Уже во втором десятилетии XXI века, например, военные расходы в отдельных регионах становятся все более сопоставимыми с расходами прежних лидеров — США и стран Западной Европы, что хорошо видно из оценок СИПРИ[83].

WORLD MILITARY SPENDING, 2012

Region	Spending ($ b.)	Change (%)
Africa	**39.2**	*1.2*
North Africa	16.4	*7.8*
Sub-Saharan Africa	22.7	*–3.2*
Americas	**782**	*–4.7*
Central America and the Caribbean	8.6	*8.1*
North America	**708**	*–5.5*
South America	65.9	*3.8*
Asia and Oceania	**390**	*3.3*
Central and South Asia	59.8	*–1.6*
East Asia	**268**	*5.0*
Oceania	28.2	*–3.7*
South East Asia	*33.7*	*6.0*
Europe	**407**	*2.0*
Eastern Europe	100	*15*
Western and Central	*307*	*–1.6*
Middle East	138	*8.3*
World total	**1 756**	*–0.4*

Spending figures are in current (2012) US$.

Принципиальная логическая схема политического процесса и принятия решений

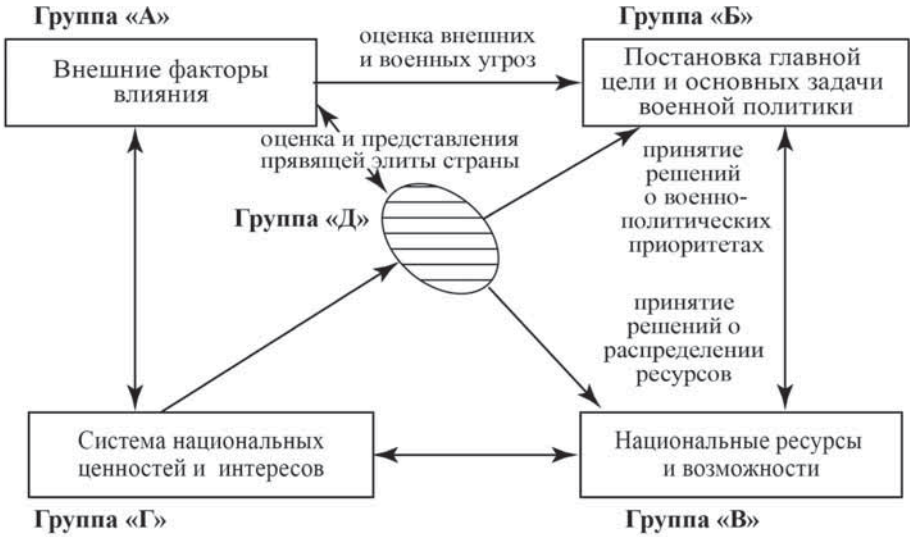

Рис. 21.

Эти изменения свидетельствуют о том, что в перспективе 20–30 лет военные расходы Азии, Ближнего Востока, Восточной Европы и даже Африки станут сравнимыми с военными расходами США и стран Евросоюза.

Более того, к 2020 годам, т. е. в уже фактически в среднесрочной перспективе, ядерные потенциалы некоторых стран будут политически сопоставимы с ядерными потенциалами США, Великобритании и Франции, а возможные технологические прорывы могут привести к тому, что и с точки зрения военно-технической, военные потенциалы целого ряда государств окажутся к 2020 годам вполне сопоставимыми с американскими, а тем более, английскими и французскими.

Таким образом, к 2020 годам складывается качественно новая ситуация в мировой и региональных ВПО, которая будет являться неизбежным следствием развития сценария дальнейшего усиления роли геополитики для других государств. Если вернуться к известному рисунку, описывающему логическую модель политического процесса формирования МО, то можно констатировать: (рис. 21)

— резкое усиление влияния внешних факторов на формирование политических целей и задач и, косвенно, на стратегию участников и распределение ресурсов (группа факторов «А» и группа факторов «Б»);
— усиление влияния группы факторов «А» на группу «В», т. е. на национальные интересы и базовые ценности.

Во втором десятилетии XXI века мы уже стали свидетелями начала этого процесса. Так, в событиях 2014 года на Украине именно геополитические интересы США оказали решающее (по сравнению с другими факторами) влияние на политические цели украинской элиты (окончательная смена политического курса и прежней элиты) — группы факторов «Б» — и смену национальных интересов (замену ориентации на Россию ориентацией на Запад) и системы ценностей («евромайдан» вместо русофильства), — группы факторов «В».

WORLD NUCLEAR FORCES, 2013

Country	Deployed warheads	Other warheads	Total inventory
USA	2 150	5 550	~7 700
Russia	1 800	6 700	8 500
UK	160	65	225
France	~290	~10	~300
China	–	~250	~250
India	–	90–110	90–110
Pakistan	–	100–120	100–120
Israel	–	~80	~80
North Korea	..	..	6–8?
Total	**~4 400**	**~12 865**	**~17 270**

All estimates are approximate and are as of January 2013.

Рис. 22.[84]

Собственно говоря, это усиление роли геополитики, превращения ее в решающий фактор и сформировало новый сценарий развития ВПО на Украине и в Восточной Европе.

И в этом смысле Евразия и Россия являются не просто подтверждением этой мысли, но и яркой иллюстрацией, которая наглядно показывает реальность такого подхода в области безопасности. В том числе и на множество конкретных примеров, наиболее ярким и последним из которых стали события на Украине 2014 года.

Более того, растущее влияние геополитики оказывается наиболее устойчивым фактором, влияющим на формирование ВПО в мире и основные тенденции в развитии ВиВТ, а также в военном искусстве, оказывая реальное и сильное воздействие на стратегическое военное планирование[85]. Достаточно привести лишь некоторые примеры. Так, Франция, например, в середине 2014 года решила направить свои войска в пять бывших африканских колоний, а также «задержится» с выводом своих войск из ЦАР и Мали[86]. Это поведение определенно свидетельствует в пользу изменений французской внешней и военной политики, которая во все большей степени ориентируется на геополитическую борьбу за Африку, чье значение стремительно возрастет уже к середине XXI века.

Другой пример — создание в РФ отдельного вида ВС — Воздушно-космических войск (ВКВ) к 1 января 2016 года[87], — что констатирует не только фактическое появление единого глобального ТВД (Воздушно-космического пространства), а чем подробнее будет сказано ниже. Очевидно, однако, уже сейчас, что ВКВ станут конкретным инструментом геополитики в глобальном масштабе, когда сфера ответственности этого вида войск распространяется не только на территорию РФ и ее союзников, но и на всю планету, все государства.

С геополитической точки зрения, очевиден растущий потенциал военного присутствия США и НАТО в Центральной Азии, Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии. Учитывая удаленность от США, а также создание новых систем воздушно-космического нападения, этот потенциал все больше приобретает черты наступательно-оборонительного стратегического потенциала, используемого в воздушном и космическом пространстве. Этот потенциал — главный ресурс в силовом геополитическом противостоянии в Евразии. Традиционные сухопутные и морские силы в такой стратегии малоэффективны, а геополитические амбиции США столь сильны, что их реализация без угрозы использования военной силы маловероятна. Причем эти амбиции сформулированы не только в концептуальных наработках ученых и экспертов типа З. Бжезинского, но и в официальных документах. Как отмечают эксперты, «… идея „Шёлкового пути“ не только существовала, но и была оформлена в проект закона ещё в 1997 г. — задолго до начала войны США в Афганистане. В 1999 г. палата представителей США приняла „Закон о стратегии Шёлкового пути“, и сенат включил его в бюджетный „Закон по зарубежным операциям, экспортному финансированию и связанными с этим программами“ на 2000 финансовый год. (FY 2000 Foreign Operations, Export Financing, and Related Programs Appropriations Act)»[88].

В целом на всех потенциальных ТВД для России сложилось крайне неблагоприятное соотношение сил, когда военные возможности отличаются не в разы, а на порядки. Это означает, что должна быть избрана такая военная доктрина и военная стратегия, которые соответствовали бы этим неблагоприятным реалиям. Соответственно, из такой военной стратегии и должны исходить планы долгосрочного военного строительства, которых, по признанию авторитетных экспертов, сегодня нет[89]. В частности, необходимо выделить два наиболее приоритетных направления военного строительства — создание эффективной системы ВКО территории страны (и союзников) и рефлексивного развития СЯС. Эти направления должны быть основой обеспечения безопасности России, ОДКБ, СНГ и, возможно, других стран. И в их пользу необходимо перераспределить национальные ресурсы, понимая, что Сухопутные силы, ВМФ, ВВС, ВДВ и другие виды войск становятся вспомогательными видами объединенной ВКО и СЯС.

В этой связи обращает на себя внимание политическая логика руководства США в отношении Евразии, которая наглядно просматривается, например, в подходе главного информационно-консультативного органа правительства страны — Центрального разведывательного управления (ЦРУ). На официальном сайте этого ведомства Россия вместе с постсоветскими государствами Средней Азии представлена как эпицентр Евразии, «за скобками» которого остается европейская часть континента и восточные регионы (Восточная Сибирь и Дальний Восток).

Такое представление о России и Евразии не случайно. Если исходить из приоритетного внимания США к среднеазиатским постсоветским республикам, то подразумевается, что их дестабилизация (особенно Казахстана) способна привести к распаду России на европейскую и азиатскую части (у З. Бжезинского — Поволжья). При этом наиболее развитые районы Южного Урала и Западной Сибири и коммуникации, которые проходят с запада на восток и с севера на юг по Челябинской, Омской, Новосибирской и другим областям, окажутся под непосредственной угрозой. «Транспортные коридоры» — как идея транзита из Европы в страны АТР — также окажутся под фактическим контролем, впрочем, как и основные российские запасы природных ресурсов[90]. Значение транспортных коридоров России в мире и в Евразии огромно и не вполне по достоинству оценено. Так, основу транспортных грузопотоков и пассажиропотоков в мире и в Евразии составляет российская ж/д сеть, на которую приходится более половины перевозок в Европе и в Евразии, а с учетом Украины и Казахстана — почти половина мировых грузопотоков по железным дорогам. Что хорошо видно из следующих примеров (табл. 7, рис. 23).

Отсюда и проистекает огромная роль российских транспортных коридоров с запада на восток и востока на запад, а так же стремительно растущее значение Северного морского пути (СМП) из Европы в Азию и наоборот.

Собственно экономическое значение ЦА невелико. В том числе и для России. И не стоит его переоценивать с точки зрения евразийской интеграции. Как отмечают исследователи МГИМО(У), «Пять Центрально-Азиатских государств создают всего около 11,1 % от общего ВВП СНГ, в каждом из них насчитывается не менее трети убыточных предприятий, и каждое обременено международными долговыми обязательствами. В целом, фактически только российское сотрудничество с Казахстаном обеспечено

Табл. 7. Общий объем железнодорожных грузоперевозок (млн тонн-км.) за вычетом пустых частных вагонов, 2011 год[91]

№№	Страна	Значение
1	Соединенные Штаты Америки	2,524,292
2	Российская Федерация	2,127,835
3	Украина	243,866
4	Казахстан	223,626
5	Германия	113,317
6	Польша	53,746
7	Франция	34,200
8	Швеция	22,864
9	Латвия	21,410
10	Австрия	20,345
11	Литва	15,088
12	Румыния	14,719

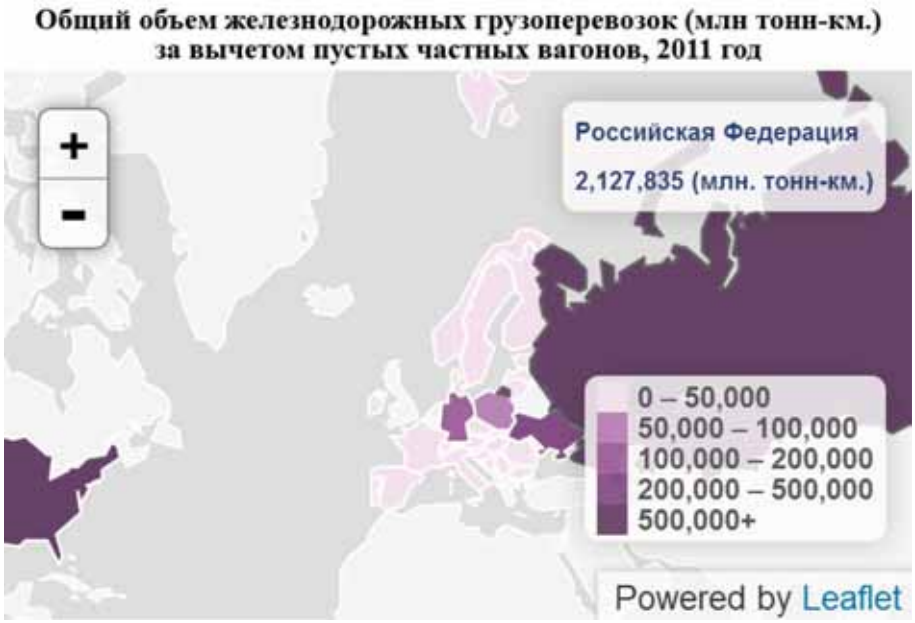

Рис. 23.[92]

по-настоящему рентабельными проектами, а в других случаях рентабельность взаимодействия носит условный характер»[93].

И, опять же, возвращаясь к карте З. Бжезинского, удивляешься ее совпадению с представлениями ЦРУ о роли транспортных коридоров и транзита — сырьевого и промышленного — из Европы в страны АТР.

Это подтверждается и другими изображениями политических карт Европы и Азии, на

которых Евразия четко делится на две политические части — европейскую и азиатскую[94], в центре которой находятся государства ЦА.

Так, в представлении западных геополитиков, Европа и ее безопасность ограничиваются безопасностью государств Западной, Центральной и частью Восточной Европы (включая страны Прибалтики, Белоруссию и Украину), а также Турцией. «За скобками» этой архитектуры безопасности находится российская часть Восточной Европы, Поволжья, страны ЦА и Сибирь.

Возвращаясь к ВКО, точнее, к ее политическим аспектам, во главе угла которых находится формирование коалиции в Евразии, обнаруживаешь, что в настоящее время сотрудничают с США или ведут переговоры о создании и размещении компонентов ПРО следующие страны:

— **Великобритания** — производит системы радиоразведки и РЭБ, поставляет компоненты для ПРО США (а также не исключает возможное размещение ПРО США на ее территории);
— **Ирландия** — поставляет компоненты для ПРО США (поддерживает развёртывание ПРО США в Европе и Японии);
— **Германия и Франция** — поставляют сложное коммуникационное оборудование для ПРО США (также не исключают возможное размещение ПРО США на своей территории);
— **Польша** — ПРО США уже строится;
— **Эстония, Литва, Чехия** — ведутся переговоры по размещению ПРО США;

— **Дания** — поставляет компоненты для ПРО США (Дания также не исключает, что на ее территории появится ПРО США);
— **Финляндия и Швеция** — поставляют компоненты для ПРО США (также ведутся переговоры о размещении РЛС);
— **Южная Корея** — поставляет сложные и наукоемкие микросхемы для ПРО США (также Корея не исключает, что ПРО США появится и на Корейском полуострове);
— **Сингапур и Малайзия** — ведутся переговоры о размещении ПРО США;
— **Канада** — ведёт переговоры с США по размещению ПРО США и интегрирование ПРО Канады в систему ПРО США;
— **Япония** — поставляет самые сложные компоненты дляПРО США, размещает РЛС, производит ракеты, а также скоро будут размещены ПРО США с ядерными установками в Японии (Хоккайдо);
— **Мексика** — ведутся переговоры о вступлении Мексики в систему ПРО США;
— **Монголия** — ведутся переговоры о размещении ПРО США;
— **Азербайджан** — ведутся переговоры о размещении ПРО США;
— **Румыния** — поставляет компоненты для ПРО США (также ведутся переговоры о размещении ПРО США в Румынии);
— **Грузия** — ведутся переговоры о размещении ПРО США в Грузии;
— **Австралия** — строится РЛС США с интегрированной системой «ПРО США — Новая Зеландия — Сингапур — Япония»;
— **Словакия** — ведутся переговоры о строительстве ПРО США;
— **Италия** — поставляет ОС для ПРО США (также не исключает возможность строительства ПРО США в Италии);
— **Норвегия** — поставляет детали и ОС для ПРО США[95].
— **Вьетнам** — планируются переговоры по размещению ПРО США.

Это свидетельствует, безусловно, не просто о сотрудничестве, но о формировании крупной военно-политической коалиции, которая публично пока не декларирует о своих четких целях, количестве участников, но ясно демонстрирует нарастающую тенденцию, в которой особое место отводится Евразии, точнее, странам АТР и Евразии, а в узком контексте — России и Китаю.

Возвращаясь к законодательному обеспечению геополитической стратегии США, эксперты отмечают: «Этот закон обязал исполнительную власть США прилагать все необходимые усилия для построения в регионах Средней Азии и Южного Кавказа „открытых демократических систем“ и „открытых рыночных экономик“. „Открытый“, в терминологии США, значит доступный для американского проникновения. Белому дому было предписано „активно продвигать участие американских компаний и инвесторов в планировании, финансировании и строительстве инфраструктуры коммуникаций, транспорта, включая воздушные сообщения, автодороги, железные дороги, порты, морские перевозки, банки, страхование, телекоммуникационные сети, газовые и нефтяные трубопроводы“. Проекты должны реализовываться силами частного капитала, что подразумевает приватизацию местных ресурсов и инфраструктуры»[96].

При этом особое значение придается дестабилизации режимов в Казахстане и других странах бывшей советской Средней Азии, но, прежде всего, все-таки Казахстана, который (как видно из карты ЦРУ) занимает ключевое место в американской геополитике. Не трудно заметить, судя по этой карте, что важнейшие районы Поволжья, Южного Урала и Западной Сибири (т. е. по сути индустриальный и логистический центр России) находятся в непосредственной близи от Казахстана, а транспортные коридоры — «запад–восток» и «север–юг» — проходят через его территорию (рис. 24).

В этой связи понятна и адекватная реакция правительства Казахстана, которое осенью 2012 года закрыло восемь газет, телеканал «К+» и 23 интернет-ресурса за разжигание экстремизма[97].

В мае 2006 г. с учётом военных реалий «Закон о стратегии Шёлкового пути» был основательно обновлён и дополнен. В частности, США взяли на себя обязательство по «развитию внутреннего оборонного потенциала и обеспечению безопасности границ» государств «Шёлкового пути»[98].

Как объясняют исследователи из вашингтонского Центра стратегических и международных исследований (CSIS), «Современный Шёлковый путь» является «частью противоповстанческой стратегии США в регионе». Как и Северная сеть доставки (NDN) — пути снабжения оккупационных войск США и НАТО в Афганистане, проходящие через Россию, которую

Рис. 24.

в Вашингтоне считают первым шагом к реализации «Шёлкового пути»[99]. Таким образом, «Новый Шёлковый путь» продолжает американскую стратегию Большой Центральной Азии и преследует массу важных целей одновременно: 1) освоение природных ресурсов Афганистана, оцененных Геологической службой США в один триллион долларов; 2) получение доступа к рынкам, насчитывающим более двух миллиардов человек — почти четверть населения планеты; 3) строительство капитализма в регионе, многие районы которого находятся на феодальной стадии развития; 4) получение предлога для расширения военного присутствия и размещения военных баз — «для защиты трубопроводов»; 5) перенаправление природных ресурсов региона от Китая в Индию и Пакистан; 6) наконец, создание региональной организации «государств Шёлкового пути» в противовес ШОС и ОДКБ.

Что касается России, то она незримо присутствует в законе 2006 г., где ставится целью «предотвращение установления любой другой страной монополии на энергоресурсы или энергетическую транспортную инфраструктуру в странах Центральной Азии и Южного Кавказа, которая бы ограничила доступ США к энергоресурсам»[100]. Другими словами, США и их союзники недвусмысленно заявляют о своих претензиях на контроль над значительной частью Евразии, являющейся в том числе и частью территории России.

4.8. Сценарий евразийской военно-политической интеграции

Возобновленная программа евразийской интеграции стремится вдохнуть новую жизнь в центристскую идеологию, придав ей экономическую базу и политическую перспективу[101].

Р. Саква,
английскийполитолог

… ведущие страны мира стали заметно чаще и откровеннее прибегать к силе и угрозе ее применения[102].

А. Торкунов,
профессор МГИМО(У)

В отсутствии системы коллективной безопасности перед евразийскими странами, которые не являются членами НАТО, возникает трудный выбор. Либо положиться на гарантии США и НАТО, либо создавать собственную систему евразийской безопасности, опирающуюся